

Старик Ли за эти годы постепенно научился справляться со своими непослушными детьми: вместо принуждения он сочетал кнут и пряник. Он лично достал из шкафа чашку, налил воды и протянул ему:

— Заметил ее на днях у дороги. Помнится, в детстве тебе очень нравился этот рисунок с бурым медвежонком.

Договорив, старик снова насупился:

— Этот паршивец тебя обидел? Вот я ему задам!

На душе у Ли Сичуня стало горько, и он сам все выложил:

— Я спросил, когда он собирается брать отпуск, чтобы заранее купить билеты и поехать отдохнуть, а он прямо-таки вышел из себя.

Сжав в руках чашку, он бессильно опустился на диван:

— Еще заявил, будто управлять художественной студией — плевое дело, и я совсем не ценю то, как тяжело ему приходится с клиентами... Да в этом мире вообще нет легкой работы! Ума не приложу, с чего он вдруг завел об этом разговор.

Старик Ли не стал ругать его избранника, лишь произнес:

— Поживи пока пару дней дома, остынь.

После этого он, не добавив больше ни слова утешения, сразу ушел наверх.

От этого Ли Сичуню сделалось только еще паршивее на душе.

Наблюдавший за этим со стороны Ли Сянфу невольно подумал, что опыт всегда берет свое.

До сих пор молчавший Ли Хуайчэнь перевел на него взгляд и заметил:

— Некоторые люди прячут амбиции, другие — клыки. Отец тогда пытался помешать вам вовсе не потому, что Гао Сюнь — правая рука Цинь Цзиня.

Цинь Цзинь?

Ли Сянфу удивленно приподнял брови: он и не подозревал о подобной связи.

Как и старик Ли, Ли Хуайчэнь не стал пускаться в долгие уговоры. Будучи типичным трудоголиком, он зашел в кабинет за документами и собрался вернуться в компанию, чтобы поработать сверхурочно.

Когда ужин подали на стол, тетя Чжан ушла в супермаркет, и в гостиной воцарилась пугающая тишина.

Ли Сичунь первым нарушил молчание:

— И правда, молодо-зелено, никаких забот. За эти годы ты сильно изменился.

Кожа у тебя нежнее, чем у юных девиц.

— Я слежу за здоровьем, — ответил Ли Сяньфу.

Ли Сичунь подошел к обеденному столу и молча взял палочки.

Братьям негоже было бесконечно дуться друг на друга, поэтому Ли Сяньфу примирительно предложил:

— Может, со завтрашнего дня займемся этим вместе?

Ли Сичунь усмехнулся:

— Договорились. Не забудь меня разбудить.

...

Ли Сяньфу слов на ветер не бросал.

На следующее утро Ли Сичунь на собственной шкуре понял, что за языком нужно следить. Едва рассвело, Ли Сяньфу уже стоял у дверей его спальни с гуцинем в руках и стучал в дверь.

Волосы Ли Сичуня стояли дыбом — то ли от злости, то ли от статического электричества.

Стоявший за дверью Ли Сяньфу рассудительно произнес:

— Ранний подъем дарит ощущение, что впереди еще уйма времени.

Растрепанный Ли Сичунь, похожий на привидение, побрел за ним в сад, по дороге сверкая глазами, готовыми метать громы и молнии.

Он не стал устраивать сцену сразу, решив дождаться момента, когда эти пыточные звуки польются ему в уши, чтобы тогда уж выпустить пар.

В саду их уже с самого утра ждал Ли Шаша со стаканом теплой воды в руках.

Усевшись, Ли Сяньфу исполнил «Песнь спокойствия».

Мелодия полностью соответствовала названию: она была тихой и умиротворяющей, ее ритм заставлял невольно отбросить все мирские заботы. Деревья в саду согласно зашелестели листвой. Ветер колыхнул длинные волосы Ли Сяньфу, превращая его в прекрасного юношу, словно сошедшего со страниц древних летописей.

Ли Сичунь и сам не заметил, как закрыл глаза, вслушиваясь в звуки. Он пришел в себя лишь спустя долгое время после того, как затих последний аккорд.

— Папа, твое сердце... все еще не спокойно, — заметил Ли Шаша.

Повернув голову, мальчик добавил:

— Дядя, твои мысли тоже в полном смятении.

— Это из-за любви? — Его взгляд устремился сквозь колышущуюся листву на двух прижавшихся друг к другу воробьев на ветке. — Что есть любовь, коль ради нее люди готовы расстаться с жизнью?

Ли Сичунь поперхнулся слюной и закашлялся, отвернувшись в сторону.

Ли Шаша важно удалился, покачивая головой. Перед тем как войти в дом, он обернулся и сказал:

— Папа, я буду ждать того дня, когда ты сможешь сыграть настоящую «Песнь спокойствия».

Лишь когда его силуэт скрылся из виду, Ли Сичунь обрел дар речи:

— Тебе не кажется, что этот ребенок...

— Необычайно умен? — улыбнулся Ли Сянфу. — Бывали вундеркинды, которые в три года наизусть читали стихи эпох Тан и Сун. Его скромные таланты — пустяк.

Смерив его сложным взглядом, Ли Сичунь молча поднялся на второй этаж и постучал в дверь Ли Хуайчэня.

Не успел он открыть рот, как Ли Хуайчэнь с тяжелым вздохом кивнул:

— Отец уже высказал свое мнение. Вопрос перевоспитания не терпит отлагательств.

За завтраком сегодня все хранили молчание.

У старика Ли и Ли Хуайчэня были дела, поэтому они один за другим ушли сразу после еды.

У Ли Сичуня была запланирована встреча по поводу выставки картин, поэтому, накинув строгий деловой костюм и прихватив брендовую сумку, он тоже поспешил уйти.

Оставшись дома без дела, Ли Сянфу принялся за уборку. Первым делом он вытащил из-под кровати большую коробку. Заметив там несколько школьных учебников, он машинально пролистал их и с удивлением обнаружил, что когда-то прилежно вел конспекты.

Подошедший Ли Шаша проявил любопытство и зорко выудил из стопки помятую брошюру:

— «Исследуя пределы»?

В книжке описывались окутанные тайной достопримечательности — от болотных джунглей до Снежной горы и ледников. Внутри обнаружилось множество стикеров с планами маршрутов.

— Папа, а в молодости ты был тем еще искателем приключений.

Ли Сянфу вытащил одну из записок и всмотрелся в нее. В памяти не всплыло абсолютно ничего. Поколебавшись, он убрал брошюру в ящик стола, решив не выбрасывать ее вместе с остальным хламом.

Дверь была открыта, но кто-то вежливо постучал по косяку.

Обернувшись, Ли Сянфу увидел смущенную тетю Чжан.

— Мой сын только что вернулся из другого города, я бы хотела отпроситься на пару дней.

Ли Сянфу с улыбкой ответил:

— Конечно, поезжайте, без проблем.

Тетя Чжан с облегчением выдохнула, развязала фартук и, сияя от радости, ушла.

Прислушиваясь к торопливым шагам на лестнице, Ли Сяньфу тихо вздохнул.

Его мать под влиянием собственной семьи относилась к родственным связям прохладно. Убедившись, что сын не намерен бороться за семейное наследство, она связывалась с ним лишь изредка.

Подобно тому, как он быстро прибрал вещи в комнате, Ли Сяньфу совладал со своими чувствами и скомандовал:

— Посмотри, что есть в холодильнике. Сегодня обед приготовлю я.

Ли Шаша с радостью откликнулся на это предложение.

Тетя Чжан только вчера ходила за покупками, так что продуктов было предостаточно. Ли Шаша перечислил все запасы, после чего Ли Сяньфу предложил:

— Как насчет свинины в остром соусе и баклажанов с ароматом рыбы?

— Звучит отлично, — Ли Шаша поспешил приписать себе заслугу. — Мясо я уже разморозил.

Вымыв руки, Ли Сяньфу зашел на кухню, взвесил на ладони кухонный нож и покачал головой:

— Нужно поточить.

Тетя Чжан предпочитала проверенные временем методы и пользовалась обычным оселком. Ли Сяньфу выверил угол наклона лезвия, плеснул на камень немного воды, положил ладонь на обух и прикрыл глаза, собираясь с силами.

— Папа, у тебя такое лицо, будто ты собрался отпевать этот нож.

— Я не силен в физическом труде, — отозвался Ли Сяньфу.

Ли Шаша подбодрил его:

— У парней, которые хорошо танцуют, сильная поясница.

Ли Сяньфу наклонился над оселком, и по всему дому разнесся резкий скрежет затачиваемого лезвия.

— Тридцать градусов! Заваливаешь угол! — командовал Ли Шаша, будто дирижер. — Вперед плавно, назад с нажимом! Не отвлекайся!

— Перенеси вес тела вперед, не стой на прямых ногах!

— Меняй брусок, пора полировать!

Раздававшиеся из кухни строгие указания долетели до ушей только что вернувшегося домой Ли Сичуня, заставив его замереть в недоумении.

Утром ему попался невыносимый клиент, с которым пришлось долго препираться из-за всякой ерунды. Ли Сичунь вернулся домой измотанным и физически, и морально, и, услышав этот менторский тон, мгновенно разозлился: «Ты что, меня учить вздумал?»

Сделав глубокий вдох, он успокоился, сообразив, что слова предназначались вовсе не ему.

— Чем вы тут занимаетесь?

Ли Сянфу поднял нож к окну, любуясь блеском лезвия:

— Точу нож.

— А он?.. — Ли Сичунь окинул Ли Шашу сложным взглядом.

— Магистр теоретических наук высочайшего уровня, — пояснил Ли Сянфу.

Дальнейшее удивило его еще больше: Ли Сичунь своими глазами увидел, как его брат, никогда прежде не занимавшийся домашней работой, ловко нарезал мясо на идеально ровные ломтики, отложил его мариноваться и принялся подготавливать специи.

Сначала Ли Сичунь наблюдал за процессом с праздным любопытством. Но стоило маслу в сковороде покраснеть от чили, а аромату сычуаньского перца буквально взорвать воздух, как он сглотнул слюну:

— Когда это ты научился готовить?

— Когда учился за границей, — дал вполне логичное объяснение Ли Сянфу.

Он действовал с точностью прецизионного прибора, вымеряя вес каждой специи до единого грамма.

— Передай мне граммов сто пятьдесят соевых ростков.

Ли Сичунь зачерпнул горсть, бросил на тарелку и протянул ему.

Ли Сянфу взял тарелку, стряхнул воду, прикинул вес на руке и нахмурился:

— Не хватает примерно сорока ростков.

Ли Сичуня это позабавило, и он решил принять вызов. Достав кухонные весы, он взвесил порцию. Через несколько секунд в кухне повисло молчание — он молча доложил еще немного ростков на тарелку и передал обратно.

<http://bllate.org/book/18300/1754420>